

№6 (101) 2013

Религиозно-патриотическая газета Православного
прихода во имя прп. Серафима Саровского

Саровский Листок

Издаётся по благословению Преосвященнейшего Тихона,
епископа Южно-Сахалинского и Курильского

В номере

стр.2-3 Праздник
Святой Троицы

стр.4-9 День семьи,
любви и верности

стр.10-11 Петров
пост

стр.12 Новости
Прихода

23 июня **ДЕНЬ СЯТОЙ ТРОИЦЫ**

24 июня **ДЕНЬ СЯТОГО ДУХА**

Троица: исполнение всего совершенного Христом

«Праздник сошествия Святого Духа». Произносишь эти привычные с детства, знакомые слова, и вдруг поражаешься им: словно услышал их в первый раз. Да, с детства знаю, что через десять дней после праздника Вознесения, и значит — через пятьдесят дней после Пасхи, искони праздновали и празднуют христиане сошествие Святого Духа, по церковному его названию — праздник Пятидесятницы, а по народному, бытовому — Троица, Троицын день. В этот день с незапамятных времен убирали и украшали церкви зеленью, ветками, а церковный пол устилали травой... В день же праздника, на торжественной вечерне, стояли люди с цветами в руках.

Таким вошел этот праздник и в народное сознание, и в родную литературу — как некое солнечное, светлое торжество, как праздник цветения, как некая радостная встреча с Божьим миром во всей его красе и благодатности.

Все религии — и среди них самые древние, самые первобытные — знали праздник летнего цветения, праздник первых всходов, плодов, растений. Если в ветхозаветной религии Пасха была — праздником весеннего воскресения мира и природы, то Пятидесятница — праздником перехода весны в лето, праздником победы Солнца и света, праздником космической полноты.

Но в Ветхом Завете этот фактически общечеловеческий праздник приобретает новое значение: он становится ежегодным воспоминанием восхождения Моисея на гору Синай, где в некоей несказанной, мистической тайне явился ему Бог и заключил с ним Завет и дал ему Заповеди, и обещал спасение. Религия, иными словами, перестала быть только природой и стала началом истории: Бог открыл Свой закон, Свои заповеди, Бог раскрыл человеку Свой замысел о нем, Бог указал человеку путь. Весна, лето, вечный природный круг — сделались знаком и символом не только природы, но и духовной судьбы самого человечества и ему заповеданного возрастания в полноту знания, жизни и совершенства... И наконец, в самый последний период Ветхого Завета праздник этот стал — в учении и прозрениях пророков — праздником, обращенным к будущему, к последнему торжеству Бога в Своем творении. Вот как говорит об этом пророк Иоиль: «И будет в последние дни — излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши;

старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения. И также на рабов и на рабынь излию Духа Моего. И покажут знамения на небе и на земле... прежде нежели наступит день Господень, великий и страшный. И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется...»

Итак — праздник природы и космоса, праздник истории как раскрытия воли Божией о мире и о человеке, праздник будущего торжества, победы Бога над злом, наступления великого и последнего «дня Господня»... Все это надо знать или вспомнить, чтобы понять, как переживали, воспринимали и праздновали праздник Пятидесятницы первые христиане, почему стал он одним из главных христианских праздников.

Именно с описания того, что произошло через пятьдесят дней после Воскресения Христа, через десять — после Его Вознесения на небо, начинается книга Деяний Апостольских, посвященная истории первых христиан, самого первого распространения христианства. Начинается она со слов Христа, сказанных Им перед Вознесением: «Не отлучайтесь из Иерусалима, — сказал Христос, — но ждите обещанного от Отца, о чем вы слышали от Меня...»

И вот, через десять дней, по рассказу Евангелиста Луки, «при наступлении дня Пятидесятницы, все они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им говорить...»

Видевшим это и недоумевавшим апостол Петр объяснил смысл совершавшегося словами пророка Иоиля, которые я только что цитировал. «Это то, что предрек пророк Иоиль, — сказал он, — и будет в последние дни, излию Духа Моего на всякую плоть...»

Итак, для христиан праздник Пятидесятницы — это исполнение всего совершенного Христом. Христос учил о Царстве Божием: и вот оно раскрылось! Христос обещал, что Дух Божий откроет Истину — и вот это совершилось. Мир, история, время, жизнь: все освещено последним светом, все наполнено окончательным смыслом. Начался в мире последний и великий день Господень!

Когда наша семья наконец-то выехала из коммуналки, то въехать сразу в новую квартиру не получилось. Дом был - новый, еще даже не принятый госкомиссией. Мои родители согласились приютить нашу многодетную на время достройки и ремонта, а моя сестра с племянницей также вежливо согласились пожить у тети: три семьи никак не помещались в двухкомнатной квартире.

Тетя согласилась, даже проявила восторг, ведь она жила одна. Но восторг длился недолго. Когда все поняли, что ремонт за три месяца не сделать, то благодушные сменилось - напряжением и конфликтами.

Потом я с младшей дочкой попала в больницу, а вскоре и у меня самой обнаружилось хроническое заболевание. Скучать не приходилось. Я начала лечение. Ремонт продолжался. Мы с мужем ездили по магазинам, обустривая наше новое жилье. Все мысли были о переезде. НО однажды все было как-то не так. И тест показал двойную полоску – я беременна! Младшей дочери было десять месяцев. Старшим пять лет и три года. Не успела я прийти в себя, собраться с мыслями, как мне вдруг резко внезапно стало плохо как никогда. Тошнота, острая боль в животе. Я помчалась на УЗИ.

Смотрит доктор на меня, смотрит - и говорит: «Плодное яйцо есть, но сердцебиения нет» Я медленно улываю в никуда и погружаюсь в ничто... Она продолжает «Замершая беременность у тебя, надо на чистку!». А участковая моя оказалась мудрой и опытной. Садимся и разговариваем. У меня от шока уже ничего не болит. Врач предлагает мне сдать анализы – все равно для больницы анализы нужны.

Надежда умирает последней. На следующий день, ожидая в коридоре очередь на анализы, меня вдруг пронзила мысль: «Ну, ведь, могут же врачи ошибаться? Все же бывает на свете!» И от этой мысли мне даже легче дышать стало. Позвонила сразу подруге, она гинеколог. Как настоящий профессионал, утешать она могла, но предупредила: «Скорее всего, нужна операция – это не шутки, на таком сроке должно быть сердцебиение.»

Я в растерянности и унынии поехала в храм к духовнику, уверенная, что он-то меня сейчас приободрит и скажет, что все поправимо. Но, к моему удивлению, он очень серьезно выслушал меня, велел молиться и слушать врачей. После его слов опять накатило уныние. И снова внутренний вопль – но Бог все может! Он все видит! Господи, не оставь меня!

Позже я вспоминала свои чувства и ощущения, после увиденных мною двух полосок – признаю, это был шок и некоторое отчаяние. Такой маленькой разницы между детками у меня еще не было. Я только-только привыкала к укладу многодетной жизни. И вдруг! Если третья беременность была долгожданной, то эта совсем не укладывалась в моей голове. До тех пор, пока я не сходила на УЗИ. После УЗИ в голове все перевернулось. Каждый день я думала – Господи, пусть он будет этот ребенок, но только не чистка! Пусть не трое, а четверо!

Так как со здоровьем были проблемы, то эндокринолог велела мне обращаться к ней при беременности сразу же. Поэтому я тотчас позвонила и сказала – я беременна. Она спросила: «Точно? А кровь на ХГЧ ты сдавала?» Я очень боялась ответить, что беременная я «не точно», но сказала правду – кровь на ХГЧ я не сдавала. Врач дала направление и настоятельно рекомендовала не откладывать анализ. За три дня до праздника Святой Троицы я сдала его. И продолжала ходить в женскую консультацию – мне нужно было пройти полное обследование перед предполагаемой операцией. Однажды утром встретила там доктора, которая делала мне УЗИ.

- Ну что, ты все ходишь?

- Хожу.

- Как себя чувствуешь?

- Нормально.

- Живот не болит?

- Не болит.

Она немного подумала:

«Ты когда все сдашь, ты приходи, как раз неделька пройдет, посмотрим еще раз». Этот разговор очередной раз вселил в меня надежду – а вдруг? У меня и правда ничего не болит, и чувствую я себя хорошо!

В воскресенье был праздник Пресвятой Троицы. Такой светлый, свежий, с березовыми ветками и запахом свежескошенной травы. С детства люблю этот праздник. Я просила мужа особенно помолиться в этот день в храме. Мы поехали все вместе и «паки и паки, преклоньше колена» просили Господа. О том, чтобы Он сделал небывшее бывшим. Если есть Его воля. Его воля была! Через три дня после Троицы на УЗИ мне сказали, что сердцебиение есть!

Самое смешное, что через два дня после второго УЗИ я позвонила эндокринологу, которая объявила мне результаты анализа на беременность: «Плохие новости – ты не беременна, ХГЧ – ноль». Я ей объяснила, что я все же беременна, УЗИ подтвердило. Напомню, что анализ на ХГЧ я сдавала до Троицы. Она в недоумении. Потом решает, что надо пересдать анализ. Я, конечно, это сделала, чтобы все успокоилось. Но сама уже по приходе на второе УЗИ надеялась услышать, что все хорошо.

Эта беременность была самой удивительной из всех. У меня абсолютно не было токсикоза. Я прекрасно себя чувствовала. Настолько хорошо, что месяца до шестого, я часто забывала, что я вообще-то беременная!

Я ждала мальчика – и он родился. Внутри меня все сжималось и переживало до самых родов – я боялась всего, боялась, вдруг с ребенком что-то не так. Но все закончилось хорошо – родился красивый, здоровый малыш. Совсем не похожий на других.

Настолько светлый и улыбающийся, настолько обаятельный, что даже в самые суровые минуты, в минуты великих шалостей в папиных глазах появляется веселая искорка, когда Колюня смотрит на него своим ясным взглядом!

До сих пор я храню черно-белые снимки обоих УЗИ, чтобы когда-нибудь рассказать эту историю своим детям. Чтобы они знали, что Богу все возможно!

Троицкое чудо

8 июля — преставление благоверных князя Петра, в иночестве Давида, и княгини Февронии, в иночестве Евфросинии, Муромских чудотворцев, Всероссийский День семьи, любви и верности

Любовь и Верность

Вот уже несколько лет, как в нашем Отечестве утверждён государственный праздник семьи, любви и верности, приуроченный к церковному дню памяти святых супругов Петра и Февронии. Отрадно, что в век крайнего легкомыслия и развращённости нравов мы слышим по крайней мере слова, призывающие нас к семейному идеалу!

Вспоминая добродетельных мужей и жён русского средневековья, их отдалённые потомки сегодня испытывают самые различные чувства. Живущие по совести укрепляются в благом намерении донести свечу супружеской взаимной любви до победного конца. Колеблющиеся и слабые, падкие на всевозможные соблазны, внутренне ободряются и обретают в себе силы преодолевать препятствия, вырастающие на пути к семейному счастью. Циничные и развращённые с иронией усмеваются и мрачнеют, угнетаемые сознанием собственных преступлений против истинной и высокой любви. Равнодушными остаются только невежды, закрывшиеся от света Божия в душном мирке омрачённых суетой сердец, которые чужды и «Божества, и вдохновенья, и слёз, и жизни, и любви»...

И всё-таки не может не дрогнуть человеческая душа, когда слышит о супружестве гармоничном, о счастье нерушимом, о любви, чуждой предательства и измен! Почему? Потому что «подвиг есть и в сраженьи», среди стрел и пуль, но есть подвиг сокровенный и незримый, под внешним покровом обыденной, спокойной жизни.

Подлинная человеческая любовь отличительным своим достоинством имеет верность и постоянство! Эти качества красной нитью проходят через все лучшие произведения русской литературы — от древнего «Плача Ярославны» до вдохновенных страниц «Войны и мира», семейной хроники, выросшей в роман-эпопею вселенского масштаба.

Противостоит семейному идеалу лукавая похоть, которую мы даже затрудняемся назвать животной... Ведь в мире безсловесных так много удивительных примеров верности до самопожертвования! Не так просто русских женщин именовали в старину «лебёдушками», столь грациозными в их величественной скромности!

«Гуси-лебеди», эти чудо-птицы, найдя себе пару, никогда ей не изменят; а длин-

ногие, белокрылые аисты, говорят, падают с высоты на землю в случае непредвиденной смерти своей половины.

Вспомним, друзья, к нашему разговору один замечательный эпизод из жития святых Петра и Февронии. Однажды, во время путешествия по реке, добродетельная княгиня поймала на себе страстный и жадный взгляд вельможи, входившего в круг ближайших соратников муромского князя. Обратившись к боярину, праведная Феврония попросила его наклониться и, зачерпнув пригоршней воды с левого борта, выпить её. Тот безмолвно повиновался. Затем мудрая женщина повелела своему тайному воздыхателю испить речной влаги, взятой справа от ладьи. «Какова вода на вкус?» — спросила угодница Божия. «Совершенно одинакова». — «Как же ты безстыдно зриаешь на чужую жену, хотя доподлинно знаешь, что женское естество всегда одно и то же?» — строго спросила святая Феврония, усрашив и тотчас остудив пыл похотливца.

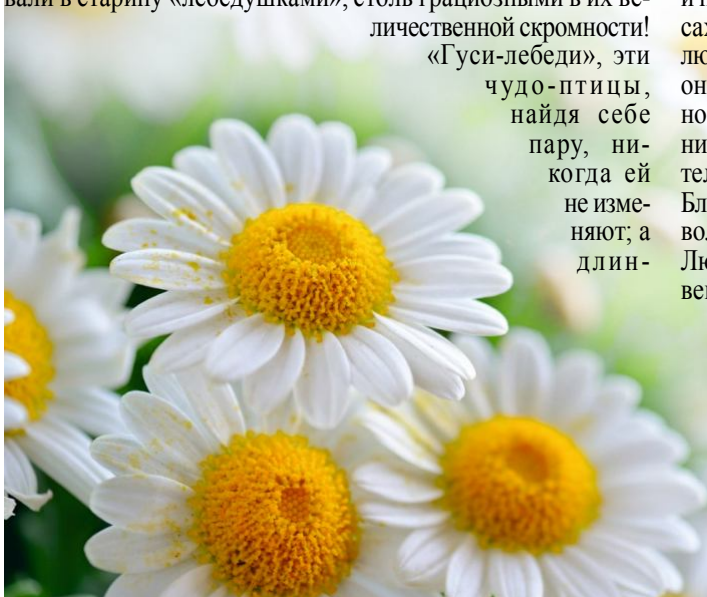
Горе же «очам завидушим и рукам загребушим!» Сколько же их ныне на Руси, заживо уловленных диаволом в сеть погибели, охотников до чужой плоти! Молнией с небес разит несчастных слово Божие, вещающее через святого апостола Павла: Брак (...) честен и ложе [супругов] непорочно; блудников же и прелюбодеев судит Бог (Евр. 13, 4).

Видели ли вы среди последних хотя бы одного спокойного, мирного, счастливого? Иные и хотели бы представить себя таковыми на людях, однако шила в мешке утаить не могут. Это шило — преступная блудная страсть, адским огнём выжигающая совесть без остатка и постоянно влекущая свою жертву на поиски новых срамных приключений, завершающихся по обыкновению неизлечимыми болезнями либо злой и безотрадной кончиной. Но довольно об этом.

Любовь супружеская, освящённая верой в Небесного Отца и скреплённая благодатью венчания, прекрасна... Спору нет: она требует целожизненного подвига и взаимных жертвенных трудов для своего охранения и возрастания. Однако и награда велика! Мы имеем в виду не только «мзду на небесах», но и земное воздаяние. В чём оно? Во-первых, в самой любви, которая подобна чудному соцветию. Далеко вокруг себя оно распространяет тонкие ароматы радости, нежности, верности, деликатности и внутренней стыдливости; взаимопонимания, единодушия, пронизательности, чуждой подозрительности и недоверия. Во-вторых, в детях, если их даёт Бог. Блудники озабочены только собой и своими нечистыми удовольствиями, чуждыми призывания отцовства и материнства. Любящие супруги с христианским самосознанием благоговейно пред даром жизни и видят в продолжении рода чудо

Иногда кажется, что невозможно притереться друг к другу, что будут вечные и безнадежные конфликты, но терпение и любовь преодолевают все, и две жизни сливаются в одну, более благородную, сильную, полную, богатую, и эта жизнь будет продолжаться в мире и покое.

(Из дневников св. императрицы Александры Федоровны)

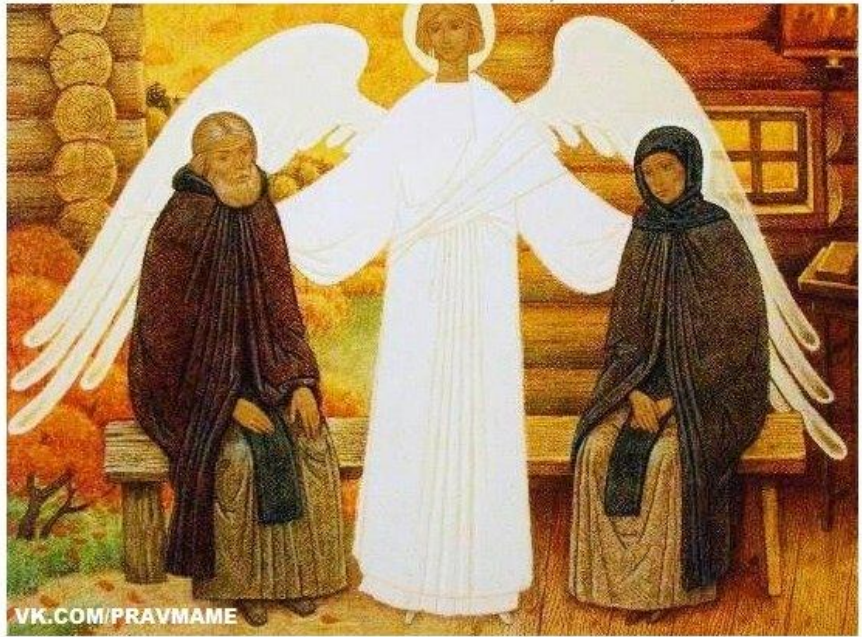
Божьего благословения. Любовь есть неоспоримое свидетельство истины. Как бы ни было ныне сложно взрослым воспитывать своих детей, последние, ещё не обладая ни опытом, ни мудростью, всегда почувствуют сердцем внутреннюю правоту родителей и в конце концов придут к осмысленной признательности им за дар жизни. Нелицемерная привязанность и почтительность со стороны детей — это ли не награда, это ли не венец счастья на украшенных сединами главах родителей?

«Блажен, кто верует, тепло ему на свете!» Блажен, кто ещё верует в любовь в наши «окаянные дни»! Эта вера основана не на грёзах и мечтах, но на незыблемом основании Любви распятой и воскресшей — Господе нашем Иисусе Христе, Который вчера и сегодня и во веки Тот же (Евр. 13, 8).

«Чем ночь темней, тем ярче звёзды...» Отмечая в эти июльские дни празднество семьи, я бы назвал верных и любящих друг друга христианских супругов «исповедниками». Вопреки всем враждебным вихрям, реюющим над Русской землёй, они крепко держат свечу «негасимой любви» и устремляются по стопам своих благочестивых предков в тихую пристань спасения, не обращая внимания на вой и улюлюканье продажных средств массовой информации и на отсутствие вдохновляющих жизненных примеров.

Счастье в брачной жизни дается только тем, кто исполняет заповеди Божии и относится к браку как к Таинству христианской Церкви.

Прп. Нектарий Оптинский

Пусть же, друзья, ярко и жарко разгорается огонёк радостного служения семье и друг другу в наших сердцах, разгоняя мрак холодности, развращённости и вероломства! Претерпевший (...) [в любви] до конца спасётся, — обещает православным супругам Сам Бог (Мф. 10, 22)...

Юлия АШУРАЛИЕВА

*С вечера поссорились супруги,
Говорили много резких слов.
Сгоряча не поняли друг друга,
Напрочь позабыли про любовь.
Утром мужу на работу рано,
А на сердце — горечи печат.
За ночь глупость ссоры осознал он,
Пододшел жену поцеловать.
Не спала, но все же притворилась,
Отвернула в сторону лицо.
В глубине обида затаилась,
Как удав, свернувшийся кольцом.
Дверь закрыл — ни слова на прощанье,
Со двора на окна посмотрел...
Если б они знали, если б знали,
Что ушел из дома насовсем.
А жена привычными делами,
Как всегда, своими занялась:
Детское бельёшко постирала,
Борщ сварила, в доме прибралась.
Чистый пол, помытая посуда,
И с работы скоро муж придет.
— Я с ним разговаривать не буду,
Пусть прощенья просит, пусть поймет.
Гордость в сердце вздыбилась высоко:
— Первою к нему не подойду!
По ролям разыгрывалась ссора
В воспаленном дьяволом мозгу.
Шесть пробило, семь и пол-восьмого...
Неподвижна дверь, молчит порог.*

*И в тревоге что-то сердце ноет,
Где же задержаться так он мог?
Вдруг какой-то крик и суматоха,
Чей-то голос, плачущий навзрыд,
И соседский мальчуган Алеха
Крикнул запыхавшись: "В шахте взрыв!"
Взрыв. Совсем коротенькое слово,
Сердце будто в ключья порвало.
Нет, она к такому не готова!
Может, жив он, может, повезло.
И в слезах по улице бежала,
Вспоминая с болью прошлый день,
Как в обиде злилась и кричала,
Застылала разум злости тень.
Заведенной куклой повторяла:
— Мой родной, о только бы не ты.
Я б к твоим ногам сейчас упала,
Прошептал короткое "прости".
Им бы знать вчера, что будет завтра,
По-другому все могло бы быть.
Смерть, как вор, приходит, так внезапно,
Не оставив шанса долюбить.
Прогремит неумолимо грозно
Приговор. Его не изменить.
Исправлять ошибки слишком поздно,
С этой болью ей придется жить.
Люди, будьте к ближним своим мягче,
Относитесь с нежностью, добром.
И не обижайте, а иначе
Можно горько каяться потом...*

Когда завянут помидоры

Мужские размышления о главной причине разводов

У развода может быть великое множество самых разных причин. Но за этим разнообразием всегда маячит одна, самая главная и страшная — ожесточение сердца, потерявшего способность любить. Какое-то время его можно камуфлировать всякими благородными понятиями, успокаивая себя мыслями о том, что тобою движут долг или самоотверженность. Но жестокосердие — отравленное шило в мешке. Раньше или позже оно обязательно ужалит тебя и твоих близких, как его ни прячь.

Много лет я наивно полагал, что эта беда никогда не дотянется до моей семьи. А оказалось, что ей и тянуться было не нужно — с самого начала нашей семейной жизни она потихоньку грызла нашу любовь, словно крыса.

Когда же ожесточилось мое глупое сердце? Почему я не сумел заметить этого вовремя? И самое главное — что же теперь делать со всем этим? Вопросов много, а вот как ответить на них — ума не приложу. Только и остается, что сидеть и думать. Крепко думать...

Сорокалетние мужики часто бросают своих жен. Еще лет пять назад я находил исчерпывающее объяснение этому факту в тезисе: седина в бороду — бес в ребро.

Теперь мне уже самому — за сорок, и совсем иначе я смотрю на разведенных своих ровесников, совсем другие причины видятся мне в их попытках создать новую семью на обломках первой.

Увлечшись карьерным ростом, творчеством, бизнесом, отдавая этому все силы и энергию, мужчины почему-то склонны считать, будто их семья — нечто статичное и незыблемое, созданное ими однажды и далее существующее независимо от прилагаемых усилий.

Но это — страшное заблуждение, которое в итоге может разрушить любую семью, какой бы благополучной она ни казалась со стороны.

В известном советском фильме герой Олега Янковского говорил, что любовь — это теорема, которую нужно доказывать каждый день. И если в семье эта теорема вдруг остается без ежедневного доказательства — горе такой семье, если мужчина постоянно не трудится над созданием собственного дома — горе и такому мужчине, и его дому. Поползут по стенам сначала маленькие трещинки, потом — побольше... Какое-то время еще можно себя утешать, что, мол, это не фундамент трещит, а всего лишь штукатурка облупилась: подмазать, побелить — и всё опять будет в порядке. Но наступит миг, когда истинная картина твоей семейной жизни вдруг обрушивается на тебя во всей своей неприглядности. И ты видишь, что семейные дела и заботы, которые много лет откладывал «на потом» из-за своей вечной занятости и усталости, можно больше не откладывать. И уже никогда ты не начнешь читать детям книжки перед сном, не сможешь по утрам заниматься с ними зарядкой, не будешь ходить с ними

в лесные походы и еще много-много чего никогда не сможешь сделать. Потому что они — выросли. И все дела любви, не сделанные для них, так и останутся несделанными навсегда...

А рядом с тобой — уставшая, нервная, склонная к скандалам по любому пустяку женщина. Ты взял ее в жены веселой жизнерадостной девчонкой, глаза которой лучились счастьем при одном только взгляде на тебя. Только куда же оно ушло теперь, в какую дыру просыпалось? Прошла любовь, завяли помидоры...

И вот тут ясно понимаешь, что все это — твоё «произведение», итог двадцати лет твоей семейной жизни. И никакими успехами в бизнесе или творчестве эту прореху не залатать, потому что и не прореха это вовсе — пробоина в борту тонущего корабля.

А когда корабль тонет, с него, как правило, бегут. Правда, в книжках пишут, что капитан уходит с борта последним. Ну, так то — в книжках...

Вот что вижу я, глядя на свою семейную жизнь. И уже не тороплюсь судить тех, кто попытался убежать от этого страшного зрелища — семьи, доведенной им до разрухи. Кстати, православным мужчинам в этом смысле приходится даже тяжелее, чем неверующим: вроде бы жил правильно, двадцать лет кичился тем, что ни разу жене не изменил, гнул пальцы, про Бога рассуждал, в храм ходил исправно, а в итоге — вон чего получилось.

И всё чаще приходит мне на ум: а не попробовать ли еще разок начать все сначала? Не сделать ли еще одну попытку, раз уж первая не удалась и корабль мой тонет? Когда говорю об этом друзьям, они округляют глаза и говорят — ты что, с ума сошел, у вас же все так хорошо!

Ах, друзья вы мои дорогие... Снаружи-то оно, может быть, и впрямь пока выглядит неплохо. Да только я-то ведь точно знаю, что за этим подштукатуренным фасадом скрывается: тни как следует — и рухнет все в одночасье.

А выглядит — да, красиво... Причем, если я возьмусь рассказывать об этих двадцати годах, может получиться не красиво даже, а — героически. И ведь не совру при этом ни разу, вот что интересно! Но себя-то не обманешь... Сейчас я понимаю, что уже на самых ранних этапах нашей совместной жизни закладывал под нее те мины, которые сегодня активировались и вот-вот взорвутся. А ведь все так славно начиналось...

На самой первой моей исповеди в Оптиной пустыни священник спросил, грешу ли я блудом? Я с гордостью заявил, что вот уже целый год встречаюсь только с одной девушкой. Храню, так сказать, верность избраннице. Батюшка посмотрел на меня с недоумением и сказал:

— Так это все равно — блуд. Ты уж извини, но причастить я тебя не могу.

— Ну и что же мне теперь делать? — оторопело спросил я.

— Не знаю. Или — венчайтесь, или — расставайтесь. Тебе решать.

Вот так, впервые в жизни, я всерьез задумался о создании семьи. «Жить быстро, умереть молодым» — это ведь не пустые слова. Для рок-тусовки начала девяностых они оказались вполне адекватным описанием жизненного маршрута: некоторые из моих тогдашних знакомцев не дожили и до тридцати. Я тоже по ряду причин был уверен, что не доживу, поэтому ни о какой семье даже не помышлял. А тут, благодаря Церкви, пришлось делать такой неожиданный выбор. И я вдруг понял, что расставаться с моей девушкой мне совсем не хочется, что если уж и есть на свете человек, с которым я готов навсегда связать свою жизнь, то это — именно она.

На очередную стипендию купил я букет гладиолусов, два колечка самоварного золота в отделе бижутерии — и пошел свататься. Без всяких предварительных договоренностей, впервые за год нашего знакомства явился в дом родителей

моей будущей жены и сделал предложение. А уже на следующий день, ранним утром, мы бежали с ней на электричку, чтобы ехать в соседний райцентр, где в храме служили мои друзья. Там батюшка посмотрел наши паспорта и согласился нас венчать. Сегодня такое трудно представить, но мы действительно сначала обвенчались и лишь спустя четыре месяца зарегистрировали свой брак.

Денег у меня не было вообще, свадебное торжество устраивать было не на что. Венчаться я приехал в потертых джинсах и рваном свитере, а кольца наши обручальные стоили, как сейчас помню, — 84 копейки. Но что значат деньги и золото, когда тебе двадцать четыре года, рядом — любимая, а в душе — горячая неопитская убежденность в том, что Бог всё устроит, главное — не грешить.

Собственно, Бог всё и устроил. Мама моего друга, увидев, в чем я собираюсь идти к венцу, вздохнула и вытащила из шкафа ненадеванный костюм:

— Держи. Лешке купила на свадьбу, ну да раз ты первый собрался — надевай, не позорься.

А после венчания друзья устроили нам сюрприз: настоящее свадебное пиршество! Нужно понимать, что это значило в 92-м году, когда прилавки магазинов были пусты, а зарплату уже выдавали с переборами. Конечно, все обошлось без особого шика, просто каждый принес свои скромные запасы, и получился вполне приличный свадебный стол. Нас с Ниной усадили за него во главе, регент Сережа зажег перед нами две свечи, и положил на них по кусочку афонского ладана. Едва подняли первый тост, и прозвучало традиционное «Горько!», как кто-то закричал:

— Смотрите, что делается!

А посмотреть и впрямь было на что. Свечи перед нами вдруг вспыхнули ярким пламенем, воск начал быстро оплавляться, горящие фитили причудливо свились, и несколько секунд все наблюдали удивительное зрелище: два пылающих кольца — большое и поменьше — сияли перед женихом и невестой на концах венчальных свечей.

— Ну вот, и Господь вас благословил, — сказал Сережа, — а вы переживали, что денег на кольца нет.

Так мы стали мужем и женой.

С самого начала нашей семейной жизни я четко для себя определил, что главная задача мужчины в семье — принятие решений. Я — кормилец семьи, я — защита ее от всех невзгод, на мне — вся ответственность за нее. Осознавать это было страшно, особенно — в то смутное время, когда страна балансировала на грани гражданской войны, голода и хаоса. Не раз и не два мне хотелось тогда завывать по-собачьи от отчаяния и полной безнадёги. Заводы и фабрики останавливались, деньги дешевели стремительно, продукты выдавали по карточкам раз в месяц. А у меня — беременная жена, диплом руководителя оркестра русских народных инструментов и отсутствие малейшего представления о том, как себя вести в творящейся кругом неразберихе. Но я упрямо продолжал верить, что Господь всё устроит, главное — самому жить правильно. И эта вера спасала в самые тяжкие времена.

Я устроился на стройку учеником каменщика. На практике такое «ученичество» сводилось к подноске кирпича и раствора бывалым рабочим. Вставать нужно было в полшестого утра, потому что найти работу удалось лишь в соседнем городе. Я поднимался, бежал на электричку, час ехал в промерзшем вагоне, потом пересаживался в промерзший автобус и все равно опаздывал минут на пятнадцать, за что неизменно получал втык от сурового бригадира. Потом — восемь часов укладывал на поддоны обледеневший кирпич, таскал ведрами раствор на пятый этаж и продолжал получать колоритные замечания от бригадира, теперь уже по поводу моей нерасторопности. Домой возвращался после восьми вечера,

еле живой от усталости, а на следующий день — снова ни свет ни заря бежал на электричку. И одно только грело душу среди этой чехарды: я — кормлю семью. Тогда совсем еще маленькую (жена и сын, которого она носила под сердцем) но — свою, дорогую, любимую. Если я этого не буду делать, они просто пропадут.

Спустя год я уже сам довольно лихо клал кирпичную кладку, и начал зарабатывать вполне приличные по тем временам деньги. На еду и одежду хватало, вот только жилья своего у нас не было. Но по-прежнему я жил непоколебимой уверенностью в то, что Бог посылает нам всё необходимое, придет время — пошлет и жилье. Так оно и получилось. Правда, сначала жизнь подтолкнула меня к принятию еще одного важного решения.

Жили мы тогда у моей мамы. В тесноте, да не в обиде, как говорится. Однажды погожим летним вечером жена собрала детей погулять во дворе. А я вышел на балкон и вдруг увидел... Нет, ничего особенного там не происходило — двор как двор, каким я его помню с детства. Представьте себе: квадрат 60 на 60 метров, образованный четырьмя типовыми пятиэтажками. Культурная жизнь сосредоточена вокруг трех столов. Центральной, под яблонькой — самый кипучий и многолюдный. Его облюбовали местные алкаши. Человек двадцать пять весь вечер рубятся в «козла» на вылет. Игра сопровождается бурным словоизлиянием и потреблением дешевого портвейна. Тут же, под яблонькой, справляется малая нужда. Тут же самые нестойкие укладываются поспать на травку, а самые активные бьют друг другу физиономии.

За соседним столиком — молодежь, разновозрастная шпана, вяло задирающая проходящих мимо девушек под аккомпанемент раздолбанного кассетника.

Но самый огушительный — третий стол, за которым собираются бабушки. Тут тоже идет карточная игра, только режутся старушки не в «козла», а в «дурака». И матерятся при этом с таким неподдельным чувством, что даже алкаши опасаются проходить мимо них лишней раз.

По всему двору носится десятка полтора разномастных псин, выпущенных хозяевами на вечернюю прогулку. Псины гоняются за кошками и жизнерадостно гадят в песочницу. На спортивной площадке по брускам развешены цветастые ковры, из которых ядреные хозяйки в таких же цветастых халатах пушечными ударами выбивают пыль. Всё как обычно, с одной только разницей: теперь посреди этого «великолепия» стоят мои дети. Совсем маленькие. С ведерком и с лопаточкой. И растерянно озираются вокруг, пытаются найти уголок для своих детских занятий. Я смотрел на них и ощущал себя такой сволочью...

Ведь это я, а не кто-нибудь, выпускаю их каждый вечер погулять во всё это дело, меня они должны благодарить за то, что растут в той же помойке, на которой вырос я сам.

И если я их отсюда не вытащу, за меня этого не сделает никто.

Через некоторое время я перевез свою семью в Жиздру — маленький одноэтажный городок, где я строил в то время храм Покрова Пресвятой Богородицы. Первые четыре года мы снимали жилье, потом получилось купить свой дом. И вместо заплыванного изгаженного двора мои дети теперь играли на травке под липами, а матершину слышали ну разве только в школе.

Когда храм был построен, я отправился на заработки в Подмоскovie. На дворе стоял 98-й год, очередной кризис. Опять — обесценивание рубля, опять — пустые прилавки. Снова мне до слез было страшно за жену и за детей. И когда приходилось неделями ночевать в каком-нибудь прокуренном строительном вагончике, где кроме меня в три яруса расположились полтора десятка молдаван, я по-прежнему укреплял себя мыслью, что Бог все даст и что если я сейчас обломаюсь и сбегу, жене и детям нечего будет есть. В таких шабашках прошло лет семь. Ну а потом началась история

сотрудничества с «Фомой», благодаря которой я из пролетариев вдруг начал потихоньку дрейфовать в сторону творческой интеллигенции.

Такова внешняя канва моей жизни. И глядя на нее, кто возьмется упрекнуть меня в том, что все эти годы я жил не ради семьи?

Никто не возьмется?

Тогда попробую сделать это самостоятельно, чтобы сделать картину более объемной.

Первое время мы с женой периодически спорили о том, кто в семье должен быть главным. И когда она в очередной раз возмущенно спрашивала: «Ну почему всегда именно ты решаешь — как и что нам делать?», я с неизменным постоянством отвечал ей: «Потому что я — мужчина». Этот рецепт от крутого мачо Гоши из кинофильма «Москва слезам не верит» стал для меня главным аргументом в семейных перепалках. Очень удобный аргумент, кстати. Ничего не объясняющий, зато — окончательный и неоспоримый. И тогда казалось мне, бестолковому, что это — ох как правильно! Сейчас-то я вижу, что герой Баталова — просто несчастный человек, ранимый и гордый, не сумевший нормально реализовать себя в социуме и мучительно это переживающий. Ну каков уroveň принятых им решений? Набить морду гопникам в подворотне, организовать выездную пьянку на природе, научить девочку резать лук. А после — устроить тихую истерику и на две недели уйти в запой из-за обострившегося комплекса социальной неполноценности. Вот уж действительно — достойный пример для подражания! Однако именно его парадоксальная логика стала для меня основой самоутверждения в семье: «Потому что — мужчина».

Спротивляться этому моя бедная жена пыталась года три. Потом смирилась. А я с гордостью объяснял друзьям, что вот, мол, как с женами надо — строго, по-мужски. И если потом жена все же предпринимала какие-то робкие попытки выяснить отношения, я с «мужской непреклонностью» говорил ей: — Не нравится такой муж, уходи. Никто тебя не держит.

И ведь знал же, совершенно точно знал, что никуда она не уйдет. Потому что дети на руках маленькие. Потому что уходить-то ей особо некуда. А самое главное — потому что любит она меня, дурака. Тогда — еще любила... И вот, прекрасно сознавая все это, я говорил ей то, что говорил. А сердце так и замирало в сладкой истоме от сознания собственной неуязвимости в подобных стычках...

«Моя краса и радость недолговечна, — сказал себе Маленький принц, — и ей нечем защищаться от мира: у нее только и есть что четыре шипа». Ох, знал, знал же Экзюпери, про что пишет! Сколько поколений самоуверенных мужиков бросались обламывать эти несчастные шипы на своих розах с таким энтузиазмом, будто перед ними не любимая женщина, а самурай с обнаженным мечом. Впрочем, на самурая небось так лихо не прыгали бы, побоялись...

Ну, это — лирика. А в жизни нашей дальше было вот что. Когда я перевез семью в Жиздру, мы за три года сменили семь съемных квартир, которые представляли собой обычные сельские дома без воды и газа, с печным отоплением и с удобствами во дворе. Говорят, два переезда равны одному пожару. Через три с половиной таких «пожара» я протащил тогда жену с детьми. Как же ей было страшно и неудобно в этих чужих домах... Всё ее пугало — темнота и безлюдность на улице вечером, отсутствие телефона (мобильников в провинции еще не было), печка, которую никак не получалось растопить... На руках трое маленьких детей, и нет рядом ни мамы, ни друзей. Один лишь героический муж, который весь день кладет кирпичи, а вечером рушится на диван и требует «чего-нибудь пожрать». И это бы еще ладно, а сколько раз было, что «усталый кормилец», перекусив и отдохнув, уметывался куда-нибудь допоздна в гости, предварительно спросив ласковым голосом: «Ниночек, ты меня отпустишь?» А чего еще бедно-

му Ниночку оставалось, кроме как вымученно улыбнуться и сказать: «Да, конечно, иди, развейся».

И ведь видел же, видел, что улыбка — вымученная. Понимал, что в сущности бросаю ее с детьми на этот вечер — одну, в чужом городе. Что будет она до моего возвращения сидеть и вздрагивать от каждого шороха, потому что страшно ей и за детей, и за себя. Ну да полно — ведь я же ей объяснил, что Жиздра — тихий город, бандитов тут не бывает, алкаши все смиренные, и вообще всё здесь разлюли-малина. Пускай учится страх перебарывать!

А уж каково ей приходилось, когда я неделями пропадал на московских шабашках... Однажды мне зачем-то понадобился дома гвоздодер. Перерыл все инструменты — не могу найти. И вдруг смотрю — жена приносит его откуда-то из спальни. Оказывается, когда я бывал в отъезде, она по ночам клала гвоздодер рядом с кроватью. Чтоб, значит, было чем от налетчиков отбиваться, если что. «Только и есть у неё, что четыре шипа, ей больше нечем защищаться от мира». Так-то вот...

Еще врзалась в память картина. Конец зимы, под ногами снежная каша, с крыши сосульки свисают. Прихожу с работы, открываю калитку и вижу: стоит моя жена посреди двора и стирает белье в корыте. На голове шапка-ушанка, на руках — оранжевые резиновые перчатки, под которые она варежки надела, чтобы руки не так мерзли. И стирает. Никогда не забуду ее взгляд тогда. Слово бы неловко ей, словно застал за чем-то постыдным. А ведь это ей просто жалко меня было! Знала, что буду переживать, вот и старалась до моего прихода свои дикие постирушки заканчивать. А тут вот не успела... Через пару лет я сумел заработать денег на дом, в первую же неделю подключил его к водопроводу и сразу купил стиральную машину-автомат.

Однако ж тогда-то рядом не стал и стирать на холоде не помог, прошел мимо, в дом. Ну, как же — кормилец ведь! С работы ведь вернулся, усталый! У каждого, мол, свое занятие... И такого вот скотства с моей стороны за двадцать лет было — хоть ковшом хлебай.

Теперь обижаюсь, уехав на сессию: «И чего это жена мне не звонит неделями?» А ведь сам вот так — по капельке, по ниточке, по искорке — гасил, рвал и расплескивал всё, что нас связывало. И кажется — порвал...

Много лет в глубине души я кичился тем, что жена моя действительно — замужем, то есть — за мужем. Как за каменной стеной! От всех житейских невзгод широкой спиной ее закрываю, все удары судьбы беру на себя!

Только с чем же я оставил ее там, за этой каменной стеной? Традиционный комплект: Kinder, K?che, Kirche? Ну и брал бы тогда себе кого попроще. А то женился на талантливой, яркой девушке с широким кругозором и пытливым умом, увез ее в деревню и поставил во дворе у корыта, словно пушкинскую старуху. И вот пришло время подводить итоги.

Пока дети были маленькие, на рефлексии у нее особо времени не было. А теперь, когда они подросли, — что она имеет в активе? Посчитать не трудно: отсутствие профессии — раз, отсутствие образования — два, отсутствие социального статуса — три. Пока рожала и растила детей, ровесницы учились, делали себе карьеру. Сейчас одна ее подруга — директор музыкальной школы, другая — завотделом культуры, третья — главбух в серьезной конторе.

А ей, когда она недавно попыталась устроиться на работу, предложили на выбор вакансии: уборщицей в Сбербанке, санитаркой в психинтернате или диспетчером в такси. В сорок лет умная, симпатичная женщина оказалась перед таким вот незамысловатым выбором. Который я обеспечил ей своими «мужскими» решениями. Шипы обломал, от мира защитил. А теперь случайно увидал в ее ЖЖ запись: «Замужем. За мужем. Как за каменной стеной. Как в тюрьме».

Вот — два автопортрета, две картины моей жизни. В каждой — чистая правда. Только никак не соединить их друг с дру-

гом, чтобы получился цельный образ. Распадаются эти две правды, словно разбитое зеркало, которое, как известно, не склеишь. И семья моя нынче — словно в разбитом зеркале: каждый — в своем осколке, у каждого — свой интерес, свои дела и заботы. Вроде бы в одном доме живем, а давно уже порознь.

Когда-то я сказал: «В нашем доме все решения буду принимать я, потому что я — мужчина». Ну что же, мужчина, любуйся теперь на результаты своих решений. Ты — капитан этого корабля. Ты был на нем все эти годы «вторым после Бога». И ты же посадил его на мель.

Сорок лет — время подведения итогов. В двадцать — еще можно жить иллюзиями, и в тридцать — еще можно себя обманывать. Но после сорока это уже никак не получится, результаты, что называется, — налицо. И если они окажутся такими, как у меня, остается либо смотреть на это печальное зрелище, либо — отвернуться поскорее и мчаться от него куда глаза глядят.

Вот почему я уже не возьмусь строго судить сорокалетних мужчин, бросающих свои семьи. Знаю теперь — от чего они пытаются убежать, что толкнуло их на вторую попытку.

Ведь и я тоже решил попробовать начать все сначала. Вот так — просто взять, и перечеркнуть прожитое-нажитое, «яко не бывшее», раз уж получилось оно таким нескладным. И начать новую семейную жизнь. С нуля.

Только другую женщину мне для этого искать нет никакой нужды. За всеми своими трудами и заботами во благо семьи я не заметил, как вместо любви стал руководствоваться исключительно чувством долга. А любовь-то и растерял... Что ж, попробую теперь собрать потерянное. По крупинке, по капельке — авось да получится. Потому что без этого — грош цена всей моей самоотверженности... И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы (1 Кор 13:3).

Двадцать лет назад Бог дал мне огромное богатство — женщину, которая любила меня так сильно, что готова была идти за мной на край света, переносить любые невзгоды, терпеть любые лишения. Я не сберег этого дара. Не научился любить даже самого близкого человека. И что же мне, просить у Бога еще одну жену? Мол, прости, Господи, с первого раза не получилось, можно, я теперь с другой попробую? Смешно ведь, право слово...

Вот и попытаюсь начать всё сначала с той самой девчонкой, к которой когда-то пришел с букетом гладиолусов и копецными кольцами. Правда, теперь вместо рваного свитера — жизнь в прорехах... Как и прежде верю, что Бог посылает человеку все необходимое, главное — самому не плошать. Однажды я уже оплошал и — сильно. Но ведь Бог может всё. Значит, может и разбитое мое зеркало склеить. Чтобы снова отразились в нем вместе — я и жена, и чтоб мог я сказать Ему: благоволи же помиловать меня, и дай мне состариться с нею! (Тов 8:7).

Нелюбимый Петров пост

Ну вот, у нас появилась еще одна возможность попоститься в течение недолгого времени! Начался Апостольский или Петров пост, подготавливающий нас ко дню Святых Петра и Павла, который празднуется 12 июля.

Что же это для нас: «радость поутру» или «плач и скрежет зубов»?

Я заметил, что православные христиане очень редко противятся (даже если им очень хочется) Великому или Рождественскому посту, но не молчат, когда дело доходит до летних постов: Петрова и Успенского. Для двух этих постов, особенно для Петрова поста, всегда находятся благовидные причины не поститься. Мы говорим: «Я обычно не пощусь в этот пост».

Действительно, Петров пост – настоящая Золушка среди православных постов: мы признаем, что это наша сестра, но предпочли бы, чтобы ее не было.

Забавно, как мы любим сплошные седмицы, полагая, что именно так и должно быть, и совершенно обделяем вниманием эти «малые посты», как их называют в некоторых книгах.

Если же мы все-таки заострим на них свое внимание, то они начинают казаться нам чем-то, что к нам не относится. «Это же монашеский устав», – говорим мы. Или: «Вот те раз! Ты знал, что когда праздник Петра и Павла выпадает на пятницу, это все равно постный день?». А затем мы приходим к ложному выводу как к чему-то само собой разумеющемуся: если праздник не перекрывает собой постный день, то значит и пост, готовящий нас к нему, не настолько важен. «К чему утруждаться? Да и время такое отпускное».

Из своего священнического опыта могу сказать, что никакие возражения и воззвания не в силах остановить это цунами оправданий. Кто-то из нас уже решил для себя, что достаточно поститься только во время Великого и Рождественского поста.

Других также не радует перспектива очередного поста, приходящего иногда, по нашему невежеству, как незваный гость. Но нам все-таки хочется соблюдать святые традиции Церкви и богослужебный календарь. Несмотря на это мы хотим знать – «зачем?». «Зачем, прости Господи (ответ от кого-либо меньшего нас не удовлетворит), нужен этот Апостольский пост? Для чего?!»

Ответ, в некотором смысле, ничем не отличается от ответа относительно любого другого поста или духовной практики. Это путь Православия. Сначала мы готовимся, а затем празднуем. Сначала мы освобождаем себя, а затем Господь наполняет нас. Классическими средствами христианской духовной жизни являются молитва, пост и милостыня. Полных остановок в духовной жизни не бывает. Иногда мы лишь замедляем темп и наслаждаемся такими большими праздниками, как Пасха, Пятидесятница и Рождество. Это наш путь, и теперь, когда Пятидесятница уже позади и наступило так называемое «обычное время», пора двигаться дальше.

Здесь нам поможет патриарх Коптской церкви Шенуда III: «Апостольский пост в Новом Завете: когда Господа Иисуса Христа спросили, почему Его ученики не постятся, Он ответил: «Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься» (Мф. 9:15). Апостолы постились вместе и не скрывали этого, и Господь принял их пост. Вот примеры апостольского поста: «Когда они служили Господу и по-

стились, Дух Святой сказал: отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их. Тогда они, совершивши пост и молитву и возложивши на них руки, отпустили их (Деяния 13:2-3) [«Совместная молитва и пост», Шенуда III].

Все предельно ясно, не правда ли? С одной стороны, поститься они начали после Вознесения Господа в ожидании великого Дара Духа Божьего. С другой стороны, Апостольская церковь постилась и после Пятидесятницы для того, чтобы «разбудить» в себе все тот же Дух. Сегодня вся Церковь призвана жить делом и жизнью апостолов: объединить весь мир в Господе и вторить песнопениям Пятидесятницы. Если сам Христос предсказал такой пост и апостолы постились, готовясь выйти на служение, почему мы не можем поститься?

Разве не в этом, в конце концов, заключается смысл времени после Пятидесятницы? Разве не поэтому мы опускаемся на колени во время коленопреклоненных молитв на всенощной в Духов день, в понедельник после Дня Святой Троицы? Если уж на то пошло, то я думаю, что объяснения требуют не необходимость поста в эти недели после Троицы, а нежелание поститься. Первые христиане и церковь видели смысл в посте. Апостольский пост возвращает нас обратно в колею, к правильному следованию за Христом.

Богослов Симон Ченг тоже может кое-что сказать о христианской миссии:

«В чем заключается миссия Троицы? Ответ на этот вопрос: Евхаристия. В конечном итоге, все восстанавливается через общение с триединым Богом. Евхаристия, а не миссионерская деятельность, является конечной целью.

Если мы будем смотреть на Евхаристию как на средоточие жизни в церкви, у нас появится место и для миссионерской деятельности. Это видно на примере древнего богослужения, которое включало в себя четыре элемента: собрание, проповедь Слова, совершение Евхаристии и выход в мир. Последний элемент и есть миссионерская деятельность...»

Поэтому День всех святых берет свое начало от истоков Святой Пятидесятницы. И потому Апостольский пост идет сразу за Днем всех святых. Миссионерская деятельность начинается с общения с живым Богом и требует полного доверия Богу, которое точно выражается в посте и молитве. Ченг: «Если вы попадете на православное богослужение, вас поразит, как тщательно продумана заключительная часть службы. Это не просто отпуст, это полные молитвы и ектеньи, готовящие нас к выходу обратно в мир».

Возможно, ни вы, ни я реально не понимаем, что же мы делаем каждое воскресенье... Вместе с Петровым постом мы выходим в мир, чтобы свидетельствовать о единстве с живым Богом, Отцом, Сыном и Святым Духом! Этот пост напрямую связан с жизнью в Духе в нашем путешествии в мире, где мы целиком и полностью зависим от Бога, празднуем, служим и участвуем в жизни Святой Троицы.

В этом и заключается смысл Петрова поста. Так не будем же ворчать и обманывать своих собратьев, которым, возможно, тоже хотелось бы не поститься. Давайте просто сделаем это, умыв лица и живя жизнью во Христе. В конце концов, этот пост, как Золушка – милая девушка, которую не все понимают, а некоторые даже презирают. Однако если память мне не изменяет, эта сказка кончается очень хорошо.

Будет пост, будет и исповедь?

Как не бояться исповедоваться

Не знаю, замечали ли вы такую закономерность. Совершишь грех — и гадко становится на душе! Теряешь свободу, стужается тьма, места себе не находишь... Потерпишь немного, подождешь, — грех забывается. Становится светлее, снова чувствуешь себя свободным!

Кажется: зачем каяться, зачем идти на исповедь?!

Это все священники придумали!
Забывать и не беспокоиться!

ПОСЛЕ КАЖДОГО СОВЕРШЕННОГО ГРЕХА МЕНЯЕТСЯ СОЗНАНИЕ. ЭТИ ИЗМЕНЕНИЯ СОЗНАНИЯ СТАНОВЯТСЯ НЕОБРАТИМЫМИ, если грех не очищается покаянием и стремлением к исправлению жизни. Ты привыкаешь ко греху, как приноживаются к дурному запаху, и уже его не замечаешь. После каждого нераскаянного греха ты все больше погружаешься во тьму, все больше теряешь свободу, но перестаешь это замечать.

Если вы никогда не исповедовались или исповедовались давно, не откладывайте исповедь, даже если вы совершили тяжелые грехи и не знаете, как избавиться от них. Не бойтесь говорить о самых тяжелых и постыдных грехах.

Священник не будет относиться к вам хуже, если узнает ваши страшные тайны. Потому что если человек по-настоящему кается в грехах, он совершает подвиг исправления своей жизни.

Священник не осудит вас и никому не расскажет о том, что вы говорили ему на исповеди. Если он это сделает, то перестанет быть священником, лишится благодати священства и будет извержен из сана. Священник сам грешный, и он понимает, как вам трудно бороться с грехом, особенно если до этой исповеди вы жили, не зная Бога.

Батюшка посочувствует вам, поможет советом. Лучше, наверное побороть стыд и сказать о всех своих грехах на исповеди одному священнику, чем ожидать Страшного Суда, на котором сокрытые грехи будут открыты перед всеми. Я честно говоря, хотя исповедуюсь уже почти 40 лет, все равно всегда немного боюсь идти на исповедь. Что-то все время мешает. Наверное это не «что-то», а «кто-то», тот лукавый и скверный дух, который понимает, что после исповеди он потеряет власть над нашей душой.

Исповедь или беседа?

Нужно обязательно знать и помнить, что во время Таинства Исповеди перед вами невидимо предстоит Христос, в знак чего на аналое (высоком столике с покатой крышечкой, у которого вы исповедуетесь) лежат крест и Евангелие. Вы каетесь в своих грехах прежде всего Ему, а не священнику, который является свидетелем вашего покаяния. Если вы не верите в то, что перед вами Христос — тогда лучше не исповедоваться. В таком случае лучше просто поговорить со священником, попросите батюшку именно о беседе.

Во время беседы ничего не бойтесь, говорите смело всё как есть. Не бойтесь оскорбить батюшку своим неверием, не бойтесь открыть ему мысли, которые кажутся вам нехорошими, но убедительными и мучают вас. Нужно быть искренним и честным. Если вы чего-то не понимаете, так и скажите: «Я не понимаю, почему мне нельзя жить с женщиной, которую я люблю, не заключая брака?», или «Почему нужно рожать каждого ребенка, почему нельзя предохраняться?», или «Почему нужно поститься?», или «Почему Бог, если Он есть, допускает столько страданий?», или «Как могут спастись люди, которые не знают о Христе?».

Именно так, прямо и не смущаясь, давайте батюшке все вопросы, какие у вас есть. Просите его объяснить вам, почему те или иные действия считаются в Церкви грехом. Можно даже задать вопросы, касающиеся самого священника (если он будет готов вам на них ответить): как Вы стали верующим? почему Вы убеждены, что Бог есть? как Вы поститесь? не трудно ли это? как Вы читаете молитвы? Обязательно расскажите батюшке о себе, о своем пути, о том, как вы верите в Бога, как вы Ему молитесь. Нужно откровенно, честно поговорить.

Возможно, священник вас не поймет. Тогда нужно искать другого. Священники хоть и одеты одинаково и похожи друг на друга внешне, в действительности все очень разные, как врачи разных специальностей, у каждого свои таланты, особенности и дарования. И надо найти своего батюшку, такого, которому вы сможете доверить себя, свою жизнь, своих близких, свои сокровенные тайны, планы... Кого вы будете слушаться так, как если бы вы слышали голос Божий.

Остановись, задумайся!

Мы научились:
ставить свечи и делать аборт;
освящать вербы и разваливать свои семьи;
строить церкви и жить в блуде;

прикладываться к иконам и оставаться глухими к чужой беде;

ходить в храмы и тиранить своих домашних.

Долго ли так будет продолжаться? История показывает, что нет. Есть ли выход? Конечно!

Пора прекращать жить «по совести», надо начинать жить по Евангелию, потому что оказалось, что на совесть нашу положиться совершенно невозможно.

Пора прекращать верить «в душе» и «по-своему», потому что кормить своих детей в душе, получать зарплату в душе и быть тепло одетым в душе почему-то никто не хочет.

Пора, наконец, вспомнить слова Христа о том, что «не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф. 7, 21).

Мы слишком рано обрадовались «возрождению веры» и слишком быстро забыли, что иная вера хуже безверия и что Христа распяли отнюдь не атеисты.

Смысл веры — во внутреннем преображении человека, а если такой цели не ставится, то вера быстро становится ханжеством и лицемерием, либо просто ритуалом, призванным убедить человека, что он «духовный» и «верующий».

Мы должны осознать, что добрых людей в мире подавляющее большинство, но все они слишком заняты собой. Помогают не добрые, а неравнодушные. И именно такими — неравнодушными — нам надо стать.

Если ничего не изменится в нашей вере и в нашей жизни, то слишком много горьких библейских пророчеств об израильском народе нам придется изведать на собственном опыте, от чего да избавит нас Господь Бог.

И пешком, и на велосипедах!

Велопробег

С 13 по 19 июля 2013 года по благословению епископа Южно-Сахалинского и Курильского Преосвященнейшего Тихона по территории Сахалинской области будет проводиться 6-й ежегодный миссионерский велопробег в честь первоверховных апостолов Петра и Павла «**Во всю землю изыде вещание их в концы вселенные глаголы их**».

Организаторами велопробега, как и в прошлые года, выступают два священника: протоиерей Димитрий Юзеев (настоятель Храма прп. Серафима Саровского, г. Анива) и протоиерей Сергей Мощенко (настоятель Патриаршего подворья, с. Троицкое).

В этом году маршрут будет проходить по Южной оконечности острова: старт в Южно-Сахалинске, далее Долинск – Взморье – Ильинск – Томари – Холмск – Невельск – Анива – Троицкое – Южно-Сахалинск. Всего 430 км за неделю.

Нынешний велопробег посвящен следующим датам и событиям: 20 лет Южно-Сахалинской и Курильской Епархии, 400 лет дому Романовых, 200 лет памяти Невельского.

На данный момент уже записалось 20 желающих поучаствовать в мероприятии: 18 сахалинцев, один хабаровчанин, один москвич. В состав участников входят как те, кто уже не первый раз участвовал в таких велопробегах, так и новички. Планируется в день проходить от 70 до 90 км, совершать молебны в населенных пунктах, где есть Храмы, наслаждаться красивыми видами сахалинской природы.

По всем вопросам участия в велопробеге можно обратиться к протоиерею Димитрию по адресу dm-yz@mail.ru

Поход

С 22 по 26 июля 2013 года планируется совершить второй пеший поход, посвященный памяти Александра Невского.

6 декабря нынешнего года исполняется 750 лет со времени преставления Благоверного Великого Князя Александра Невского. Название похода – «**Невский**»

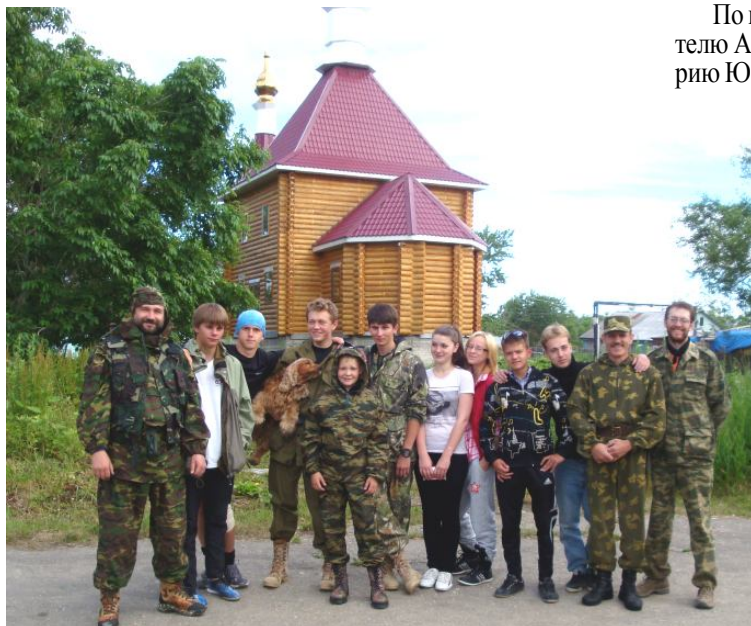
Маршрут будет проходить от станции Новодеревенская по старой ж/д до Чапланова. Протяженность чуть более 50 км.

В поход приглашаются школьники старших классов и их родители, студенты, молодежь. Безопасность маршрута будут обеспечивать профессиональные егеря.

В походе ждут ночёвки в палатках, эко-пища, приготовленная на эко-топливе (костре) ;), чистая вода в ручьях, посиделки у костра, множество положительных эмоций, а так же незабываемые воспоминания на всю жизнь.

Из отзыва участников прошлого года: «Жаль, что было мало дней, давайте в следующий раз пройдем побольше!».

По всем вопросам участия в походе обращайтесь к настоятелю Анивского Православного Прихода протоиерею Димитрию Юзееву лично или по адресу dm-yz@mail.ru

Поздравляем!

У нас в семье
большое событие!
В Православную веру
крестилась вся наша
большая семья:
я и мой муж Евгений,
две внучки
Маргарита и Зоя,
правнучка Анна.
Теперь в нашей
семье все с Богом!
Семья Татаровых,
г. Анива

Учредитель: Православный приход во имя прп. Серафима Саровского, 694030 г. Анива, ул. Ленина, д. 19; тел.: (42441) 5-15-77, anivaprihod@mail.ru
Главный редактор: настоятель прихода протоиерей Димитрий Юзеев
Редакция, дизайн, компьютерная вёрстка: Елизавета Костенко
Отпечатано Православным Приходом во имя прп. Серафима Саровского
Тираж 300 экз. Электронная версия: <http://aniva.prihod.ru/magazine>

Дорогие читатели! Газета содержит священные изображения и тексты. **Просим не использовать ее в хозяйственных целях.** Прочитанную газету можно подарить знакомым, а пришедшую в ветхость – сжечь. Предыдущие номера газеты можно почитать в библиотеке храма.